

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-111-129

© Т. Г. Иванова

РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ В БЫЛИНАХ И ЕЕ РОЛЬ В СЛОЖЕНИИ ПЕСЕННО-ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Нам уже приходилось выдвигать положение об иерархии «былинных метрополий».¹ Под «материнской» метрополией мы понимаем территорию, на которой в X–XIII веках складывался русский эпос. Нижняя временная граница определяется созданием Киевского государства (X век); верхняя, XIII век, — это начало монголо-татарского ига, в результате которого в эпосе сформировался образ татар — главного врага русских богатырей. «Материнская» метрополия — это прежде всего Киевская земля (Киев, Чернигов, Муром, Рязань, Ростов, Суздаль, Галич), на которой сложились образы князя Владимира, Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, Дюка Степановича, Чурилы Пленковича и др. Вторая «материнская» метрополия — Новгород, давший былинам таких персонажей, как Садко и Василий Буслаев.

Следующую позицию в иерархии метрополий занимают «колониационные» метрополии, актуальные для периода XII–XVI веков, когда происходила активная славянская колонизация Русского Севера, сохранившего до XIX–XX веков весомую песенно-эпическую традицию. Как известно, в фольклористике обсуждается проблема новгородской и ростово-суздальской колонизаций Русского Севера. Суть концепции В. Ф. Миллера, автора «новгородской теории» происхождения русского эпоса, сводится к следующему: не только былины с новгородскими аксессуарами, но многие сюжеты киевского цикла сложились в Новгороде; былины сохранились в тех регионах Русского Севера, которые подвергались новгородской колонизации; «низовская» (ростовская, верхневолжская) колонизация былин с собой не несла.² Эта точка зрения получила поддержку у С. И. Дмитриевой, С. Н. Азбелева, В. П. Аникина, Б. А. Рыбакова.³ Однако, по нашему мнению,⁴ песенно-эпическая традиция Русского Севера складывалась благодаря и новгородскому, и ростово-суздальскому колониационным потокам.

Севернорусский регион, давший объемный былинный материал, позволяет выделить понятие «региональные» метрополии — древние славянские географические точки на Русском Севере, откуда песенно-эпическая традиция разворачивалась на окружающие территории. Это средневековые города (села), откуда шло славянское

¹ Подробнее см.: Иванова Т. Г. «Большие» и «малые» метрополии севернорусской былинной традиции // Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике — проблемы и перспективы: Сб. науч. статей. М., 2015. С. 11–21.

² Миллер В. Ф. 1) Наблюдения над географическим распространением былин // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. № 5. С. 43–77; 2) Очерки русской народной словесности: Былины. М., 1897. [Т. 1]. С. 65–96. О верхневолжской колонизации см.: Бернштам Т. А. Роль верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера (IX–XV вв.) // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С. 5–29.

³ Дмитриева С. И. Географическое распространение русских былин по материалам конца XIX — начала XX в. М., 1975; Азбелев С. Н. Былины: Новые книги // Русский фольклор: Проблемы «Свода русского фольклора» / Отв. ред. А. А. Горелов. Л., 1977. Т. 17. С. 176–184; Аникин В. П. Об историческом изучении былин // Русская литература. 1984. № 1. С. 105–119; Рыбаков Б. А. Русский эпос и исторический нигилизм // Русская литература. 1985. № 1. С. 155–160.

⁴ Иванова Т. Г. «Малые» очаги севернорусской былинной традиции. СПб., 2001.

освоение севернорусских земель; например, г. Кегрола / Кеврола на Пинеге являлся такого рода метрополией для обширного региона Пинеги, Кулоя, Мезени и Печоры.

Последними в иерархии метрополий могут считаться «локальные» метрополии, играющие ту же роль, но для территорий более мелкого масштаба, имеющих единый хозяйственный уклад и одну историю. Типичной локальной метрополией на Русском Севере является с. Усть-Цильма для Печоры.

В этой иерархии уточнений и детализации требует понятие «материнская» метрополия для Киевских земель, состоящих из отдельных регионов. Отдельного специального рассмотрения заслуживает Муромо-Рязанская территория, о которой мы говорить в этой статье не будем, и Ростово-Суздальско-Владимирский регион, т. е. Северо-Восточная Русь.

Ростов располагается на озере Неро. Археологи считают, что город начинался в VII веке на Сарском городище как мерянское поселение (племенной центр мери). Лаврентьевская летопись сообщает: «на *Ростовском озере* Мера, а на Клещине озере Мера же». ⁵ Славянская экспансия в Ростовские земли началась в IX веке; в X столетии рядом с Сарским городищем появился княжеский город, задачей которого было стать опорным местом для сбора дани с местного населения. Ростов — один из древнейших городов Киевского государства. В Лаврентьевской летописи под 862 годом говорится, что после прихода на Русь трех братьев-варягов Рюрика, Синеуса и Трувора и после смерти двух из братьев Рюрик стал раздавать мужам своим города: «ѡвому Полотескъ ѡвому *Ростов* другому Бѣлоозеро». Летопись также подчеркивает, что варяги на этих землях были «находниками», т. е. пришлыми, а первыми «насельщиками» в Новгороде являлись словене, в Полоцке — кривичи, в Ростове — меря, в Белоозере — весь, а в Муроме — мурома. ⁶ Ростов упомянут в договоре князя Олега, совершившего поход на Царьград в 907 году: греки обязались выплатить дань на ряд отдельных городов — Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Любеч и Ростов. ⁷

Далекие и неплодородные земли северо-востока Руси поначалу мало интересовали Киев. Однако в начале XII века ситуация изменилась. В 1108 году Владимир Мономах (1053–1125; князь Ростовский (1066–1075), великий князь Киевский в 1113–1125) на Ростовских землях основал г. Владимир-на-Клязьме. Владимир Мономах передал Ростовские земли своему младшему сыну — Юрию Долгорукому (1090-е — 1157), чьи честолюбивые устремления были направлены на Киевский престол; его же сын Андрей Юрьевич Боголюбский (ок. 1111–1174) Киевом уже не интересовался и сделал своей резиденцией Владимир. Расцвет Владимиро-Суздальского княжества, в которое входил и Ростов, приходится на правление Всеволода Большое Гнездо (1154–1212), младшего сына Юрия Долгорукого, ставшего во главе Владимиро-Суздальского княжества в 1176 году.

В ходе дробления земель на уделы в 1207 году сформировалось самостоятельное Ростовское княжество под рукой князя Константина Всеволодовича (1185–1218) — старшего сына Всеволода Большое Гнездо, ставшего великим князем Владимирским в 1216 году (подчеркнем — старшего сына, что свидетельствует о высоком статусе Ростова во Владимиро-Суздальских землях). В Ростовское княжество входили Белоозеро, Углич, Устюг, Ярославль.

В 1238 году Ростов пал во время монголо-татарского нашествия. Известно, что в 1262 году в городе произошло восстание против татарских сборщиков дани. С XIV века постепенно Ростов стал попадать под власть крепнущей Москвы; этот процесс завершился в 1474 году при Иване III Васильевиче (1440–1505) — великом князе Московском (1462–1505).

Следует сказать, что Ростов занимал очень важное место в духовной жизни средневековой Руси. С конца XI века город стал центром епархии. Христианство в землях мери укреплялось с большим трудом. Вплоть до XII века в Ростове существовал Чуд-

⁵ Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 10–11 (Полн. собр. русских летописей; т. 1). Здесь и далее курсив мой. — Т. И.

⁶ Там же. С. 20.

⁷ Там же. С. 31.

ской (мерянский) конец, где процветало язычество; в русской же части города был поставлен сначала деревянный, а в 1160 году — каменный Успенский собор. Ростовские иерархи были влиятельными церковными владыками. В конце XIV века они получили сан архиепископов, а в 1589 году (с учреждением в Московской Руси патриаршества) — митрополитов.

В XVIII веке Ростов стал центром уезда — сначала в 1777 году в Ярославском наместничестве, а с 1796 года — в Ярославской губернии. Однако подчеркнем, что исторически он связан не с поволжскими землями Ярославля, а с Владимиро-Суздальским краем.

Географическое имя *Ростов* в былинах встречается очень редко. Тем не менее былины четко представляют, что Алеша Попович родом был из Ростова. Прикрепление имени третьего по «рангу» русского богатыря (змееборца) к Ростову позволяет предположить, что в X–XIII веках, когда шло формирование былин, Ростовские земли были одной из региональных точек создания общерусского былинного эпоса (наряду с Киевом, Черниговом, Муромом, Рязанью, Галичем).

Ростов, как и Киев, Муром и Рязань, в некоторых текстах оказывается в зачине. Так, один из вариантов с Зимнего берега сюжета «Алеша Попович и Тугарин Змеевич» начинается строкой: «А и как во славном-то было в городе во *Ростови-то*»⁸ (сказительница П. С. Пахолова из семьи Крюковых). Другой зимнебережный текст (былина «Алеша Попович убивает татарина», производная от «Алеша и Тугарина») начинается строкой «Ай во славном-то было-то в прекрасном *Острове*» (Былины Зимнего берега, № 62, ст. 1; сказительница А. М. Крюкова). Комментатор Свода русского фольклора Ю. А. Новиков справедливо полагает, что «Остров» — это испорченное «Ростов».

В пудожской былине на тот же сюжет «Алеша Попович и Тугарин» начало следующее: «Из славного города из *Ростова* / Выезжают тут два удалых добрых молодца».⁹ В другом пудожском варианте, в котором Ростов также заявлен в первой строке, рисуется, как Алеша Попович ходит-гуляет по *городу Ростовскому* (Былины Пудог, № 302, ст. 1; см. также ст. 21, 28). Данная пудожская былина полностью калькирует ситуацию из «Илья Муромца и Соловья-разбойника»: победив Тугарина Змеевича на пути в Киев, Алеша Попович приезжает в Киев и представляется князю Владимиру: «Из *Ростова* есть да славна города, / Сын Леонтия я, *попа ростовского*» (ст. 454–455). Князь задается вопросом: «Ты когда с *Ростова* да повыехал / И какой дорожкой ехал в стольно Киев-град?» (ст. 461–462). Услыхав о прямоезжей дорожке, один из бояр пытается уличить героя во лжи: «От *Ростова* ли, от славна города, / А до славна ли до города до Киева / Прямоезжая дорожка заколодела» (ст. 474–476).

В былинах нередки случаи, когда в зачине былины «Алеша Попович и Тугарин» ростовская тема исчезает, однако затем по ходу действия она проявляется. Так, ростовская тема отражается в топосе обжорливой собаки (коровы), треснувшей от своего обжорства. Наблюдая обжорство Тугарина за столом, в одном из сибирских вариантов Алеша Попович говорит своему парубку Ефимше:

Ох ти вспомнишь ли, Ефимша, вспомятуешь ли,
Как у нашего у швета у бачушка,
У Леонтия попа сына *ростовского*
Как була, була собака жанная,

⁸ Былины Зимнего берега Белого моря / Изд. подг. А. Н. Власов, С. А. Жадовская, Н. Г. Комелина, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков; отв. ред. тома А. Н. Власов. СПб.; М., 2018. № 67. Ст. 1 (Свод русского фольклора. Былины; т. 8). Далее ссылки на данное издание приводятся в тексте сокращенно: Былины Зимнего берега, с указанием номера текста и стиха.

⁹ Былины Пудог / Изд. подг. М. Н. Власова, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Ю. Кастров, Ю. А. Новиков, Т. А. Новичкова, Е. И. Якубовская. СПб.; М., 2013–2016. № 301. Ст. 1–2 (Свод русского фольклора. Былины; т. 16–18 (2)); см. также: Там же. № 304. Ст. 1 — проза. Далее ссылки на данное издание приводятся в тексте сокращенно: Былины Пудог, с указанием номера текста и стиха.

По хотонам-чи собака-то шаталася,
 По подавицам собака волочилша,
 Лебедино кости грызла — подавилася,
 Помои те хлебала — захлебалася,
 А тому же Тугарину то же будёт
 От нашего плеча молодецкого...¹⁰

В другом сибирском тексте этот топос вложен в уста не Алеши Поповича, а его товарища Екима Ивановича, причем *ростовским* оказывается не отец, а дед Екима:

Яким говорит:
 У моего *деда ростовского*
 Була ... (сука? — Т. И.) обжористая,
 Она по-под лавочкой каталася и валялася,
 Оттуль она косткой подавилася,
 Смерть приключилася.
 И етому собаке будет такая ему смерть!

(РЭПС, № 26, ст. 66).

Этот топос может потерять привязанность к отцу Алеши Поповича (или Екима), но ростовский маркер сохраняется. Так, в сибирском тексте Алеша и его товарищ Еким наблюдают, сколько съедает Змеище Тугаретин, после чего Еким говорит:

У *попа* было *ростовского*
 Было кобелище Цингалище,
 Охоче по подстолью ходить —
 Костью подавится,
 О того и переставится.
 А тебе, Змею, не миновать того!

(РЭПС, № 21, ст. 85–90;

то же с образом коровы: ст. 101–105).

На Пудогe топос обжорливого кобеля (коровы), причем именно со ссылкой на *ростовского попа*, оказывается включенным и в сюжет «Илья Муромец и Идолище». Соответственно Илья Муромец заявляет прожорливому Идолищу: «У нашего у *попа* у *ростовского* / Была как корова обжориста...» (Былины Пудоги, № 216, ст. 128–129; см. также: № 220, ст. 189–190; № 223, ст. 266–267).

Ростовская тема в эпосе прочно ассоциируется с биографией Алеши Поповича. Обратим внимание на один из сибирских вариантов «Козарина», в котором отсутствует традиционная тема нелюбви родителей к герою. В тексте Алеша Попович замещает традиционного Козарина и освобождает свою сестру от татар; героиня, на которой он уже намеревался жениться, сообщает ему:

Я роду не царского и не боярского,
 Не княженецкого, не купецкого
 И не крестьянского,
 Я того *батюшки попа ростовского*

(РЭПС, № 104, ст. 74–77).

После этих слов полонянки Алеша заявляет:

¹⁰ Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Изд. подг. Ю. И. Смирнов и Т. С. Шен-талинская. Новосибирск, 1991. № 23. Ст. 34–44 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока); см. также: Там же. № 25. Ст. 27, 39. Далее ссылки на данное издание приводятся в тексте сокращенно: РЭПС, с указанием номера текста и стиха.

Я думал получить себе
 Обручницу и подвенечницу,
 А выручил свою родимую сестрицу!
 (РЭПС, № 104, ст. 81–83).

Заканчивается данный вариант возвращением богатыря в Ростов, который, правда, смешивается с Литвой:

Заскакивал Алеша на доброго коня
 И побежал к себе в *Литву*,
 К своему-то *батюшку попу ростовскому*
 (РЭПС, № 104, ст. 84–86).

В былине Марфы Крюковой на тот же сюжет «Козарин», но с главным действующим лицом Алешей Поповичем ростовская тема явлена гораздо более выпукло. Один из ее текстов на этот сюжет начинается строками: «Как Алёшенька был же все Петрович млад / Во гостях в *Ростове славном городе* / У своего отца-родителя».¹¹ В соответствии с бытовизацией эпических сюжетов, что характерно для Марфы Крюковой, в этой былине разворачивается длинная сцена, во время которой родители богатыря, приехавшего их навестить, уговаривают его остаться в Ростове и не ездить больше в Киев. В этой сцене топоним *Ростов* упоминается несколько раз (ст. 6, 11, 14). В ответ на предложение сына переехать к нему в Киев они отвечают: «Нет, не поедем мы, чадушко любимое, / Из своего-то мы города *Ростова*, / Где родились, тут помирать будем» (ст. 57–59).

В другом тексте этого же сюжета, значительно отличающемся от варианта № 30а, Марфа Крюкова рисует сцену, в которой в Киеве на пиру у князя Владимира Алеша Попович просит разрешение съездить в Ростов, чтобы навестить родителей и узнать, не присмотрели ли они ему невесту. Князь Владимир отвечает: «Хоть у нас женись да в красном Киеве, / Ай хоть у себя женись да в славном городе, / В славном городе в своём да ты в *Ростови-то*» (Былины Зимнего берега. Крюкова, № 30, ст. 45–47). В Ростов герой отвозит спасенную им от татар сестру (ст. 198, 207, 209; см. также третий вариант Марфы Крюковой этой старины: № 30б, ст. 63, 248, 371, 394, 443, 447, 458, 474, 475, 477).

В тяжеловесной былине Марфы Крюковой «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеша Поповича» Алеша Попович, добившийся согласия Настасьи Никуличны на свадьбу, поступает в соответствии с этикетными правилами — посылает «ярлык скорописцетой» в Ростов с приглашением отца и матери на «свадебку весёлую» (Былины Зимнего берега. Крюкова, № 76, ст. 518). Таким образом, Марфа Крюкова, в репертуаре которой не было главной былины об Алеше Поповиче «Алеша Попович и Тугарин Змеевич», где говорится о начальной биографии богатыря, родившегося в доме его отца *Леонтия попа ростовского*, максимально полно старается реализовать ростовскую тему в других сюжетах. Однако, подчеркнем, это в определенной мере является индивидуальным творчеством сказительницы и отчасти выходит за рамки традиции. Отметим, кстати, что в соседней региональной традиции Западного Поморья ростовская тема полностью отсутствует.

Как уже следует из приведенных примеров, в былинах константно упоминается отец Алеша Поповича — *Леонтий поп ростовский*. См., например, в пудожских старинах на сюжет «Алеша Попович и Тугарин» (Былины Пудоги, № 2, ст. 59); в кижских старинах;¹² в повенецких вариантах.¹³ *Леонтий поп ростовский* исследователями,

¹¹ Былины Зимнего берега Белого моря: Сказительница Марфа Семеновна Крюкова / Изд. подг. М. В. Рейли, Ю. И. Марченко, А. Н. Розов. СПб.; М., 2020. № 30а. Ст. 1–3 (Свод русского фольклора. Былины; т. 9). Далее ссылки на данное издание приводятся в тексте сокращенно: Былины Зимнего берега. Крюкова, с указанием номера текста и стиха.

¹² Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Изд. подг. А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец. Петрозаводск, 1989. Т. 1. № 28. Ст. 16, 27.

¹³ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года / Подг. текста и комм. А. И. Никифорова и Г. С. Виноградова. М.; Л., 1949. Т. 1. № 4. Ст. 114.

как правило, связывается с реальным Леонтием Ростовским (ум. не позднее 1077 года) — епископом Ростовским и Суздальским. Сведения о святителе Леонтии (имеется его Житие) противоречивы: в одних документах он называется греком, в других — русским. Благочестивый Леонтий побывал в Константинополе, где, возможно, и принял монашество; по возвращении в Киев в Печерскую обитель он был рукоположен в епископы и направлен в языческий Ростов. Жители города встретили его неприязненно, выступили против его христианских проповедей, несколько раз выгоняли из города. По одним сведениям, Леонтий скончался своей смертью; по другим — был убит в 1073 году.¹⁴ В фольклористике считается, что имя популярного христианского проповедника, по мере усиления в русском эпосе православной составляющей, было включено в былины. Так он стал отцом героя-змеборца; образ же Змея на поэтическом уровне воплощал в себе язычество.

На Пинеге помимо *попа Леонтия ростовского*¹⁵ этот персонаж может получать другое имя — *Федор поп ростовский* (Былины Пинеги, № 47, ст. 1; № 47а, ст. 1; № 48, ст. 1; № 48а, ст. 1; № 170, ст. 167).

Ростов может появляться и в былинах, не имеющих отношения к Алеше Поповичу. На Печоре, например, Соловей Будимирович о себе говорит:

Ах земли-то ле я буду у *Индийской*,
Ах как *города* я буду *Ростовского*,
Ах зовут-то меня да нынче Соловей,
По отчеству зовут да Будимирович.¹⁶

Укажем также, что в былине «Василий Богуслаевич» Марфа Крюкова наряду с московскими, новгородскими и киевскими упоминает *ростовские дорожечки* (Былины Зимнего берега. Крюкова, № 27, ст. 290).

Формульное поле Ростова в былинах очень скромное. Как видно из приведенных примеров, топоним *Ростов* получает эпитет «славный» (как, впрочем, многие русские города). В пудожской традиции имеется также формула с эпитетом «славный красный» (Былины Пудоги, № 303, ст. 1; № 305, ст. 1). На Пинеге зарегистрирован эпитет «крепкий»:

Во *Ростове* было, во *крепком городе*,
У *попа-то* у *Левонтия ростовского*
Зародилосе цадушко мелешенько

(Былины Пинеги, № 46, ст. 1–3 — сюжет
«Алеша Попович и Тугарин»;
см. ростовский маркер в этой былине: ст. 74, 91).

См. также ростовские маркеры в других пинежских текстах: № 170, ст. 1, 8, 92, 167, 172 — проза; № 171, ст. 1 — проза.

Былинная традиция аккумулировала не только *Ростов Великий*, но и *Ростов-на-Дону*. В позднем печорском сюжете «Данило Борисович» Данила с товарищами плывет по тихому Дону и попадает к Митрею-царю Бранскому: «По *тихому Дону* ноньце в *город Ростов*» (Былины Печоры, № 265, ст. 93). Ростов-на-Дону, расположенный в 46 км от устья Дона, был основан в 1761 году как крепость, в которой была поставле-

¹⁴ Филипповский Г. Ю. Житие Леонтия Ростовского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. XI — первая половина XIV вв. С. 159–161.

¹⁵ Былины Пинеги / Изд. подг. Т. Г. Иванова, А. Ю. Кастров, М. В. Рейли. СПб.; М., 2012. № 46. Ст. 2, 27, 36, 75, 92 (Свод русского фольклора. Былины; т. 7). Далее ссылки на данное издание приводятся в тексте сокращенно: Былины Пинеги, с указанием номера текста и стиха.

¹⁶ Былины Печоры / Корпус текстов подг. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова. СПб.; М., 2001. № 169. Ст. 70–74 (Свод русского фольклора. Былины; т. 1–2). Далее ссылки на данное издание приводятся в тексте сокращенно: Былины Печоры, с указанием номера текста и стиха.

на церковь во имя Димитрия Ростовского; затем сложилась слобода, превращенная в 1796 году в город Ростов. Смешение двух локусов с именем *Ростов*, естественно, является признаком разложения песенно-эпической традиции.

Наличие Ростова в былинах, и особенно связь этого города с эпической биографией третьего по «рангу» богатыря Алеши Поповича, свидетельствует об особой роли Северо-Востока Руси в формировании русского эпоса. На то же указывают и другие топонимы этого региона.

Судьба Ростова в отечественной истории тесно связана с *Суздадем*, расположенным на речке Каменка в 26 км от позднее возникшего Владимира-на-Клязьме. Первоначально поселение было мерянским, постепенно становясь славяно-мерянским. В венгерской хронике «*Gesta Hungarorum*» под 884 годом сказано, что вождь венгров Альмоша с Волги увел своих людей через «землю Руси, называемую *Суздаль*», в места нынешнего расселения венгров.¹⁷ В русской летописи Суздаль впервые называется в 1024 году в связи с восстанием волхвов, выступавших против христианства. В начале XII века при Юрии Долгоруком Суздаль, напомним, стал центром Ростово-Суздальского княжества. Город имел прочные торговые связи с Новгородом, что находит отражение в новгородских берестяных грамотах, где неоднократно упоминается Суздаль и суздальцы. Тем не менее, как мы уже указывали, в 1157 году Андрей Боголюбский перенес свой стол во Владимир. По мере дробления Руси на более мелкие уделы в середине XIII века было образовано Суздальское княжество, в дальнейшем — Суздальско-Нижегородское княжество. В 1392 году Суздаль был присоединен к великому княжеству Московскому.

В XVII веке, пережив Смутное время, грабительский налет крымских татар (1634), крупный пожар (1644), моровую язву (1654–1655), Суздаль все-таки с середины столетия вступил в период экономического подъема. В XVIII веке город оказался центром странствующих торговцев («офеней»). С 1796 года Суздаль — уездный город Владимирской губернии.

В былинах топоним *Суздаль* зарегистрирован в печорском варианте «Алеши Поповича и Тугарина». В этом тексте в трансформированном виде представлен топос росстани. Сама росстань в тексте отсутствует, но описывается, как Алеша Попович и паробок Еким рассуждают, куда им направиться:

Куды нам ведь, братцы, уж как ехать будёт?
 Нам ехать, не ехать нам в *Сúздаль-град*?
 Да в *Суздале-граде* питья много,
 Да будёт добрым молодцам испропитисе

(Былины Печоры, № 115, ст. 6–9).

Суздаль отвергается, как и Чернигов, и герои едут в Киев. Сохранение Суздаля в топосе росстани в одном ряду с Киевом (столичный город), Черниговом (второй город по статусности) свидетельствует о важности этого города в эпическом сознании. Правда, укажем, что приведенный пример — это единственный случай употребления топонима в былинах. По-видимому, к XIX–XX векам память об этом важном городе Древней Руси в песенно-эпической традиции подверглась решительным процессам выхолащивания.

Суздальский след в былинах прочитывается в имени богатыря *Суровца-Суздальца* (редкий эпический персонаж). У Кириши Данилова в тексте со знаменитым заповем «Высота ли высота поднебесная» Суровец-Суздалец ищет себе поединщика:

Из далеча чиста поля
 Выскокал тут, выбегал

¹⁷ Юрасов М. К. «Деяния венгров» магистра П., которого называют Анонимом (Продолжение) // Петербургские славянские и балканские исследования = *Studia Slavica et Balkanica Petropolitana*. 2013. № 1. С. 71. Курсив мой. — Т. И.

Суровец-богатырь, Суздалец,
 Богатова гостя, заморенин сын
 (КД, № 58, ст. 19–22).¹⁸

В образе Суровца-Суздальца вроде бы имеются иномирные черты: он «хоботы» мечет по «темным лесам» («хоботы», напомним, — это характеристика внешности Змея). Однако дальнейшее повествование не оставляет сомнений в принадлежности Суровца-Суздальца нашему миру. Согласно сюжету, он не находит себе противника, приезжает в город Покидош к князю Михаилу Ефимонтьевичу. Входя в гридню, Суровец-Суздалец ведет себя в соответствии с русским этикетом: «Походил во гридню во светлую, / Спасову образу молится» (ст. 39–40). После представления князю («А мене зовут, добра молодца, / *Суровец-богатырь Суздалец*, / Богатова гостя заморенин сын» — ст. 50–52) героя приглашают присоединиться к пиру. На этом былина Кириши Данилова заканчивается, производя впечатление явно незавершенного сюжета.

Полноценно, в соответствии с законами эпоса, коллизия разворачивается в другой ранней записи — в былине, опубликованной в изданном в типографии Н. И. Новикова песеннике «Новое и полное собрание российских песен». ¹⁹ Этот текст был перепечатан в собрании П. В. Киреевского, причем здесь источником решительно назван «Песенник» Н. И. Новикова. На самом деле «Новое и полное собрание российских песен» — это переиздание собрания М. Д. Чулкова.

В интересующей нас былине Суровец-Суздалец в чистом поле наезжает на черна ворона, тот просит его не убивать, указывает на «силу» (войско) царя Курбана; во время сражения богатырь попадает в третий ров (подкоп), оказывается плененным, но разрывает путы и побивает всех татар. О богатыре в этом тексте сказано:

Как жил на Руси *Суровец* молодец,
Суровец богатырь, он *Суроженин*,
 По роду города *Суздаля*,
 Сын отца гостя богатого.²⁰

В этом фрагменте богатырь «по роду города Суздаля», но одновременно называется Суроженином. В «Заметке» П. А. Бессонова, опубликованной в 3-м выпуске «Песен, собранных П. В. Киреевским», имеется комментарий к этим географическим именам. Исследователь считает, что герой «по роду *Суздалец*, по промыслу и занятию *Суроженин* или *Суровец*» (Кир. III, с. VIII). Сурож (позднее — крымский город Судак) упоминается в древнерусских летописях в связи с сурожскими гостями (купцами), которые бывали на Руси, и соответственно с русскими торговцами, ходившими в Крым. Сурожское море русских летописей — это Азовское море. Имя Суровец П. А. Бессонов возводит к слову «суровец», т. е. шелк-сырец, который привозили на Русь в том числе и из Сурожа. Один из торговых рядов в Москве некогда назывался Суровским.

Былинный Суровец, обратим внимание, — сын «гостя богатого», т. е. купца. Исключительно Суроженином герой называется в дальнейшем тексте старины (Кир. III, с. 110–112, ст. 25–26, 74–75), тем не менее мы полагаем, что родным городом для этого героя эпоса был не Сурож, а *Суздаля*.

В варианте из Симбирской губернии, записанном кем-то из Языковых, богатырь именуется «*Суровен* богат сам *Суздалец*» (Кир. III, с. 110, ст. 2, 24, 72, 93, 98). В единственном пудожском тексте (запись 1938 года) герой называется «*Суровец богатырь*

¹⁸ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е изд., доп. / Подг. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977. № 58. Ст. 19–22. Далее ссылки на данное издание приводятся в тексте сокращенно: КД, с указанием номера страницы или текста и стиха.

¹⁹ Новое и полное собрание российских песен: содержащее в себе песни любовные, пастушеские, шуточные, простонародные, хоральные, свадебные, святочные, с присовокуплением песен из разных российских опер и комедии. М., 1780. Ч. 2. С. 204–206. № 199.

²⁰ Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1861. Вып. 3. С. 110. Ст. 3–6. Далее ссылки на данное издание приводятся в тексте сокращенно: Кир. III, с указанием номера страницы и стиха.

Суздаль-Суздалец» (Былины Пудогы, № 538, ст. 1, 10) или Суровец (ст. 15). Суздальский маркер в имени героя к XIX веку исчезает. Так, в былине из Сергачского уезда Нижегородской губернии персонаж именуется «Сурова Сурога Суровець богатырь»²¹ или просто Суруга. В Сибири герой называется просто Суровец (РЭПС, № 60–62а).

Помимо богатыря Суровца-Суздальца былинный эпос знает и *братьев Суздальцев*. В тексте из Архангельской губернии былины «Иван Годиневич» мельком, и в общем-то без всякой связи с дальнейшим сюжетом, главный герой говорит, что в Киеве «нет молодцев, удалых Суздальцев, / У нас нет девиц — белых лебедей» (Кир. III, с. 10, ст. 40–41), что и становится для богатыря основанием для отказа искать невесту в стольном Киеве. «Удалые Суздальцы» в этих строках в данном тексте действующими персонажами не становятся.

На Кулое в сюжете «Камское побоище» «два братёлка два Суздальця»²² играют отрицательную роль: уже после первоначальной победы русских богатырей над татарами их хвастовство («Мы всю бы небесну силу попленили же!» — Былины Кулоя, № 29, ст. 150) приводит к тому, что татары оживают (встают два татарина, которые были разрублены надвое), и русские богатыри, утраившись этой силушкой и поняв, что это наказание со стороны небесной силы (т. е. Бога и ангелов) за хвастовство, уезжают в горы, где окаменевают. Правда укажем, что в другом кулойском варианте мотив хвастовства *двух братьев Суздальцев* детей боярских Луки и Матфея отсутствует, соответственно не реализуется и мотив окаменения богатырей (Былины Кулоя, № 28, ст. 283).

В историческом пространстве былин имеется город *Кидоша (Покидоша)*, который мы склонны трактовать как *Кидекша*. Отметим, что исследователи считают Кидошу (Покидош) отголоском знаменитого Китежа. Так, в комментариях Б. Н. Путилова к былине «Высота ли, высота поднебесная» из сборника Кириши Данилова сказано: «Возможно, что это — искаженное наименование легендарного города Китежа, который якобы при приближении татар опустился на дно озера и был таким образом спасен» (КД, с. 456–457). Нам такое предположение не кажется убедительным. В былинном *Кидоше (Покидоше)* нет никаких черт ушедшего в воду города. Легенда же о Китеже получила развитие на совсем другой территории средневековой Руси — в Заволжье, которое только после присоединения Казани к Московскому государству постепенно стало регионом, в котором появилась былинная традиция. Поэтому, полагаем, прототип эпического Кидоша надо искать на старорусских землях.

В настоящее время Кидекша — это село в Суздальском районе Владимирской области, расположенное в четырех километрах от Суздаля на реке Каменке при впадении ее в р. Нерль. При Юрии Долгоруком Кидекша была укрепленным княжеским городом. Крепость контролировала речные пути в *Суздаль* и являлась форпостом Владимиро-Суздальского княжества. Напомним, что в 1125 году Юрий Долгорукий, в бытность свою князем северо-восточных земель, перенес свой стол из Ростова в Суздаль, причем считается, что сам предпочитал жить именно в Кидекше. В 1152 году в Кидекше была возведена первая в Северо-Восточной Руси белокаменная церковь во имя Бориса и Глеба. В 1238 году город был разорен монголо-татарами и вскоре потерял свое былое значение.

У Кириши Данилова, Напомним, Суровец-Суздалец приезжает к князю Михаилу Ефимонтьевичу в его город *Покидаш (Покидош)*: «И поехал ко городу *Покидашу*, / И приезжал ко городу *Покидошу*» (КД, № 58, ст. 32–33).

В сибирской (Алтай) былине на сюжет «Илья Муромец и Соловей-разбойник» Илья, выехав из дома, «едет ко городу ко *Кидошу*»: «Над *Кидошом-градом* по грехам учинилося: / Подсгупала сила поганая» (РЭПС, № 27, ст. 16–17). Кидош в данном

²¹ Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894. № 65. Ст. 4.

²² Былины Кулоя / Изд. подг. Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов. СПб.; М., 2011. № 29. Ст. 144 (Свод русского фольклора. Былины; т. 6). Далее ссылки на данное издание приводятся в тексте сокращенно: Былины Кулоя, с указанием номера текста и стиха.

варианте выполняет функцию традиционного Чернигова: богатырь освобождает город от вражеской осады, узнает от горожан о прямоезжей дороге на Киев-град и направляется к месту столкновения с Соловьем-разбойником (см. упоминание *Кидоша* в ст. 23, 30).

Полагаем, что в данных примерах реально-историческая Кидекша трансформировалась в былинную *Кидошу* (*Покидошу*). Если наша гипотеза с толкованием былинного Кидоша как суздальского города Кидекша верна, то суздальская тема в русских былинах получает весомое подкрепление.

Главным городом Северо-Восточной Руси, как известно, очень скоро стал *Владимир*, расположенный на р. Клязьме (левый приток Оки). В историографии он называется Владимир-на-Клязьме или Владимир Залесский (в отличие от Владимира Волынского на Волыни). При Андрее Боголюбском во Владимире были возведены Успенский собор (1158–1160; в 1408 году расписан артелью мастеров Андрея Рублева и Даниила Черного) и Золотые ворота (ок. 1164 года), которые являются выдающимися архитектурными памятниками XII века. При княжении Всеволода Большое Гнездо был поставлен сохранившийся до наших дней Дмитриевский собор (1194–1197). В 1238 году Владимир был razорен монголо-татарами. В XIII веке Владимирские князья — Ярослав Всеволодович (1190–1246; великий князь Владимирский в 1238–1246) и его сын Александр Невский (1221–1263; великий князь Владимирский в 1252–1263) — получали из Орды ярлыки на великое княжение, что позволяло ослабить давление монголо-татарского ига на эту территорию. Привлекательность Владимира в тяжелейший период монголо-татарского ига сказывается, например, в том, что в 1299 году кафедра русского митрополита из Киева была переведена во Владимир. В 1362–1363 годах Владимирские земли перешли к Московскому княжеству. В 1609–1614 годах Владимир пережил набеги польско-литовских интервентов. В XVIII веке во время административных реформ Петра I была образована Владимирская провинция (1719), а в конце этого столетия была учреждена Владимирская губерния (1796).

Любопытно, что главный город Владимирской земли — Владимир, — в отличие от Ростова, Суздаля и Кидекши, по каким-то причинам в былинах не упоминается; он не вошел в песенно-эпическую топонимику. Скорее всего, художественное чутье слагателей былин подсказывало им, что в одном поэтическом пространстве нельзя сталкивать персонажа с именем князь Владимир и топоним Владимир.

Заметим, что топонимы Ростово-Суздальской Руси наиболее прочно сохранились в региональных традициях Сибири (РЭПС) и Урала (КД), т. е. в поздних эпических традициях, формировавшихся с конца XVI века, а скорее — с XVII века. Эти традиции в силу удаленности от Европейской России, полагаем, в определенных аспектах оказались консервативнее севернорусских: они сохранили определенные черты эпоса, каковым он был на период начала освоения новых земель. Не приходится сомневаться, что в Средневековье ростово-суздальская тема в былинах звучала гораздо явственнее, чем в XIX–XX веках.

Остановимся на записях былин, сделанных на территории Владимиро-Ростово-Суздальской Руси — на период XIX века во Владимирской губернии и отчасти в Ярославской губернии.

В *Ростовском уезде* — самом южном уезде Ярославской губернии, граничащим с Владимирской губернией, интерес к былинам связан с именем известного ростовского краеведа Александра Яковлевича Артынова (1813–1896), уроженца с. Угодичи. В настоящее время Угодичи входят в состав сельского поселения Семибратово Ростовского района Ярославской области. Село расположено на берегу озера Неро близ Ростова.

Ростовский краевед Андрей Александрович Титов (1844–1911), просвещенный купец и общественный деятель, посвящает Угодичам довольно много места в своей книге «Ростовский уезд Ярославской губернии».²³ Опираясь на рукопись Артынова, он излагает баснословные предания о княгине Будиславе-Лой, прозванной Угодой

²³ Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии: Историко-археологическое и статистическое описание с рисунками и картой уезда. М., 1885. С. 79–98. О А. А. Титове см.: Смирнов Я. Е. Титов Андрей Александрович // Энциклопедия Ярославского края с древнейших времен до 1917 г. Антология. Ярославль, 2009. С. 219–222.

за доброту и милосердие. Столь же недостоверны сведения о X–XI веках: якобы князь Владимир Святой сам крестил жителей на Ростовском (Неро) озере; якобы сын Владимира любил Угодичи (Угожь) за звериную охоту; якобы князь Константин Всеволодович посещал селение и занимался здесь учеными трудами и пр.

Достоверные сведения об истории Угодичей в книге Титова начинаются только со времен, когда оно было передано в начале XVII века царем Василием Шуйским Томиле Луговскому. Однако следует сказать, что в исследовании Титова отсутствуют другие, более ранние, подлинные свидетельства об Угодичах.

Первое документальное упоминание села относится к 1328 году, когда Московский князь Иван Калита (1288–1340), отправляясь в Орду (опасное путешествие), в своей духовной грамоте отписал Угодичи своему второму сыну Ивану (1326–1359; в 1354 году он станет великим князем Московским): «А се даю сыну своему Ивану <...> Угожь, Ростовци».²⁴ В XIV–XV веках Угожь (Угодичи) была удельной собственностью князей Дмитрия Ивановича Донского и его потомков.

В 1609 году, как мы уже сказали, царь Василий Шуйский пожаловал Угодичи думному дьяку Томиле Юдину Луговскому. Томила Луговской в ходе исторических событий Смутного времени оказался в плену у поляков. После освобождения из плена царь Михаил Федорович Романов дал ему грамоту на владение «озером Неро, со всеми втекающими и истекающими из него реками и рыбными ловлями».²⁵ В переписной книге 1629–1631 годов о селе имеется следующая запись: «За Томилом Юдиным сыном Луговским в вотчине за царя Василья Ивановича московское осадное сиденье по государеве Цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси жалованной грамоте за приписью диака Ивана Грязева 129-го году: *Село Угодичи у Ростовского озера на речке на Вороболке*. А в селе церковь Богоявления Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, древена, вверх; да церковь с трапезою верховных Апостол Петра и Павла; да на моголицах церковь Архистратига Михаила; да церковь сооружена вновь Николы чудотворца, древян, клетчки. А церкви, и в церквах образы и свечи, и книги, и ризы, и сосуды церковные, и на колокольнях колокола, и всякое церковное строенье мирское того ж села Угодич крестьян. А у церквей у Богоявления Господня и у Петра и Павла поп Леонтей Васильев, дьячек Ивашко Федоров, пономарь Лукашка Попов, просвирница старица Анисья. Да у церкви Архистратига Михаила да у Николы Чудотворца поп Федор Павлов, дьячок Микифорко Павлов сын Попов, пономарь Лукашка Попов, просвирница Матреница, трапезник Ивашко Оксенев». Наличие четырех церквей в сельском поселении говорит о его масштабах и значении в округе.

Далее в переписной книге раскрывается хозяйственная жизнь села. «И всего за Томилом Юдиным сыном Луговским в вотчине село да три деревни, да пустошь. А в селе четыре церкви, а у церквей девять дворов церковных. Пашни церковные середние земли восемь чети в поле, а в дву по тому ж. Сена восемьдесят пять копен. В селе ж и в деревнях, и на пустоши двор вотчинников, двор конюшенный, двор скотей, тринадцать дворов деловых людей, сорок шесть дворов крестьянских, людей в них семьдесят восемь человек, сто восемь дворов бобыльских, людей в них сто девяносто три человека, осмнадцать дворов пустых, десять мест дворовых. Пашни паханые опричь села Угодич бобылей, что расположены в четверти против пашенных людей, середние земли пяти чети с осминою и с четвериком да наезжие пашни, пахоно на вотчинника, девяносто шесть чети, да перелогом сто чети с осминою бес получетверика, да лесом поросло, и с наезжею пашнею середние земли двесте пять чети в поле, а в дву по тому ж».

Важной частью хозяйственной жизни Угодичей была рыбная ловля. «Под селом же Угодичами подле берег в Ростовском озере рыбная ловля от межи митрополичья села Воржи от трестяного плаву от Михеева Бачега, а в другую сторону от села от Сулости от грудные ловли, от поддубные тресты села Сулости крестьянина Богдашка Хлудова, что в межах села Угодич со крестьянином Васкою Истомина з грудною же

²⁴ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1. С. 31 (грамота № 22).

²⁵ Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии. С. 84.

ловлею, в длину подле озера промеж тех меж на две версты. А строят тое рыбную грудною ловлю села Угодич крестьяне в озере, летом мечут хворост, а в осень бьют колвей, а промеж колья мечут хворост можжевеловый, а огораживают кольцами и ловят саками и удами. Да к тому ж селу Угодичам з деревнями по государеве Цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии жалованной вотчиной грамоте написано угодыя рыбных ловель в Ростовском озере и в реке во Где и в Устье, и в Котороси, а ловят рыбную ловлю села Угодич ловцы в Ростовском озере летом и зимою неводами и всякими ловлями после государевых подледных ловцов».²⁶

Как пишет А. А. Титов, Илья Луговской (внук первого владельца), продал Угодичи стольнице Ирине Михайловне Мусиной-Пушкиной, от которой село перешло ее сыну окольникчелу Ивану Алексеевичу. Во времена Елизаветы Петровны Угодичи были взяты в казну у Платона Ивановича Мусина-Пушкина за некие «шалости». Екатерина II пожаловала Угодичи княгине Екатерине Алексеевне Голицыной, урожденной Карр. Имением управлял ее брат Филипп Алексеевич Карр, который после смерти сестры в 1803 году отпустил крестьян на волю.²⁷

Во второй половине XIX века Угодичи — большое торговое село. В 1859 году здесь стояло 314 дворов (861 муж., 1019 жен.), были две церкви, училище, базар, заводы паточный, цикорийный и мятного масла.²⁸ В 1897 году в Угодичах значатся 1876 человек.²⁹ В 1899 году в селе был 321 домохозяин.³⁰ В 1910–1911 годах Угодичская волость состояла из 21 деревни.³¹

Недалеко от села находилась пароходная пристань. По воскресеньям проводились базары. В связи с малым количеством земли земледелием жители не занимались. Главными занятиями были огородничество (выращивали зеленый горошек, цикорий, лук, чеснок, мяту, шалфей и пр.), рыболовство и колка льда (снабжали окрестные села и Ростов льдом для погребов). Часть крестьян уходила из села на сторонние заработки. Как мы уже указывали, в Угодичах интерес к былинам проявлял А. Я. Артынов. Однако опубликованные им тексты — это не подлинные образцы песенного эпоса, а литературные произведения по мотивам былин. В книге Артынова «Воспоминания крестьянина села Угодич Ярославской губернии Ростовского уезда» опубликовано 4 поэтических текста, представляющих некую попытку построения по законам литературного стихосложения.

Первый текст — «Илья Муромец»,³² о котором сказано: «Начало этой песни мною утрачено, песня же эта мне сообщена в 1827 г. крестьянином с. Угодич Вас. Павл. Гороховым; он был приказчик какого-то богатого торговца шелком; в 1827 и 1828 г. Горохов служил в Угодичах земским, но спился и был удален от должности» (Артынов, с. 149). Сюжет артыновского «Илья Муромца» представляет перепев пушкинского «Руслана и Людмилы»: Илья Муромец встречается с Царь-девицей (Ростовской княжеской дочерью); та ему рассказывает, что во время прогулки с женихом ее конь понес и завез в лес к злому волшебнику Черномору; Черномор добивается ее любви, но, получив отказ, усыпляет красавицу; разбудить ее может только Велесавин перстень, ко-

²⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Л. 928 об. — 1008 (II Писцовая книга патриарших, митрополичьих и монастырских земель). Цит. по: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Угодичи>; дата обращения: 31.07.2023.

²⁷ Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии. С. 84–86.

²⁸ Список населенных мест Российской империи. Т. 50. Ярославская губерния по сведениям 1859 года. СПб., 1865. № 7116.

²⁹ Населенные места Российской империи в 500 и более жителей с указанием наличного в них населения и числа жителей преобладающих вероисповеданий, по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. СПб., 1905. С. 269.

³⁰ Список населенных мест Ярославской губернии. Ярославль, 1901. С. 251. № 21 (данные о количестве человек здесь не приводятся).

³¹ Список селений Ростовского уезда (по данным статистического исследования 1909–10 гг.). Ярославль, 1914. С. 61. № 18 (данные о количестве человек здесь не приводятся).

³² Артынов А. Я. Воспоминания крестьянина села Угодич Ярославской губернии Ростовского уезда / С предисловием А. А. Титова. М., 1882. С. 149–155. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: Артынов, с указанием номера страницы.

торый оказался у Ильи Муромца; Илья едет на пир к князю Владимиру, куда является неузнанным; поет песню «про витязя удалого, чудодея Илью Муромца». Далее начинается изложенный уже стихом, близким к песенно-эпическому, сюжет об исцелении Ильи Муромца:

Как во славном городе во Муроме,
А и в том селе Карачарове
Жил один старик со старухою;
Тот старик Иван Тимофеевич
Имел детище неуклюжее,
Что того ли да Илью Муромца

(Артынов, с. 154).

После того, как Илья явился «светел юноша», он исцеляется и отправляется в Киев дорогой, которая «залегла ровно тридцать лет». К сожалению, Титов, издавший воспоминания Артынова, полностью текст «Ильи Муромца» не печатает. Он обрывает его на самом интересном для фольклористов месте: «Хотя у автора песня эта приведена вполне, но она с этих стихов имеет лишь небольшую разницу против напечатанной Сахаровым в 5 части на 45–55 стр. *Песен русского народа*. Чтобы избежать перепечатки, мы и опускаем ее окончание. А. Тит.» (Артынов, с. 155). В сборнике И. П. Сахарова «Песни русского народа» (СПб., 1838–1839. Ч. 1–5), как известно, былины являются скрытой перепечаткой из собрания Кириши Данилова. Очень соблазнительно предположить, что ненапечатанная часть «Ильи Муромца», в отличие от истории с Царь-девицей, была более аутентичной былинной традиции. В таком случае мы потеряли возможность познакомиться с образцом былины из Ростовских земель на сюжет «Илья Муромец и Соловей-разбойник».

Второй текст, опубликованный в «Воспоминаниях крестьянина села Угодич», — «Ян Ушмович» (Артынов, с. 156–158). Артынов к этому литературному произведению делает помету: «Со слов Якова Питерца». Это стихотворное изложение известного летописного сюжета о Кожемяке, который перед боем с печенегами, чтобы продемонстрировать свою силу, сражается с быком и сдирает с него шкуру. Автор этой литературной поэмы (Яков Питерец? Артынов?), желая вписать историю о Яне Ушмовиче в былинную традицию, начинает повествование с картины пира, на котором князь Владимир печалится, потому что в Киеве некому сразиться с Печенегом: отсутствует Илья Муромец; Добрыня бьет ляхов; Рогдай лежит на одре; млад Олешенька находится в чистом поле; Полкан ищет себе молодую жену.

Третье произведение — «Песня Юрки о Ростовском озере» (Артынов, с. 158) — по указанию Артынова, записано со слов Горохова. Этот текст к эпосу не имеет никакого отношения: Ростовское озеро — «море тинное», в нем нет песочка, нет заморских рыб; есть только ерш со щукой и пр.

Четвертый текст — «Женитьба князя Владимира» (Артынов, с. 159–160) был записан от Якова Питерца, конец его, указывает Артынов, был утерян. Это произведение создано по мотивам былин и опирается на мотивы сюжетов «Илья Муромец на Соколе-корабле» и «Дунай-сват». Стих «Женитьбы князя Владимира» является стилизацией под устный эпический стих:

О гой еси ты наш батюшка,
Река быстрая, ты широкий Днепр,
Ты быстро катишь струи чистыя
Во утесистых берегах своих

(Артынов, с. 159).

По Днепру плывут «струи осударевы»; на одном струге находятся Ян Кожевников (не былинный персонаж), Добрыня и воевода Илья Муромец сын Иванович. Имеется в этом произведении и былинный отрывок — описание убрания струга:

А подернуты скамьи бархатом,
 Рытым бархатом, все хрущатыем.
 Среди их стоит беседушка
 Из заморской дорогой кости,
 Дорогой кости — зуба рыбьего
 (Артынов, с. 159).

Илья предлагает сослужить службу князю Владимиру — привезти ему из Золотой Орды Афросиньюшку Королевишну:

Привезти ее
 Ко великому князю нашему,
 Красну солнышку, ко Владимиру.
 Ужь не все ему да вдовцом ходить,
 Ужь пора ему ожениться!
 (Артынов, с. 160).

Сама инициатива поиска невесты для князя Владимира со стороны Ильи Муромца, эпитет «великий князь», указание на вдовство князя — все это внеэпические (литературные) мотивы. Спутники Ильи соглашаются. На этом текст, к сожалению, обрывается. Поэтому у нас нет возможности отследить далее наличие (отсутствие) каких-либо признаков подлинной былины.

Таким образом, из Ростовского региона наука не имеет ни одного аутентичного былинного текста. Тем не менее на основе имеющихся литературных произведений, сохранных Артыновым, можно сделать осторожное заключение, что Ростов некогда былины знал. Об этом свидетельствует и ненапечатанное Титовым, но существовавшее продолжение литературного «Ильи Муромца», и приведенный нами отрывок с описанием убранства струга.

Ростовский уезд Ярославской губернии с юго-востока граничит с Юрьевским и Суздальским уездами Владимирской губернии. Еще одна былинная точка нашего региона — *Юрьев-Польский (Юрьев-Польской, Юрьевский) уезд*. Город Юрьев (в летописях первоначально Гюргев) был основан в 1152 году Юрием Долгоруком на землях племени меря. Город стоит на реке Колокше (приток Клязьмы). В 1212 году Юрьев на некоторое время стал центром удельного княжества. На территории крепости в 1234 году был возведен Георгиевский собор, сохранившийся до наших дней. В 1238 году во время монголо-татарского нашествия город был razорен и впоследствии подвергался нападениям в 1382 и 1408 годах. С 1340 года Юрьевские земли входили в состав Московского княжества. В Смутное время Юрьев-Польский был сожжен поляками. В 1796 году город получил статус уездного города Владимирской губернии.³³

В 1883 году в с. *Бережок Юрьев-Польского уезда* была записана былина о Ставре Гоудиновиче.³⁴ Бережок ныне административно относится к Гаврилово-Посадскому району Ивановской области. Село стоит на реке Желтуха (правый приток Нерли). Бережок называется в жалованной грамоте царя Федора Иоанновича (1557–1598; младший сын Ивана Грозного, ставший Московским царем в 1584 году) его невестке царице-инокине Александре:³⁵ «...пожаловал есми царевичеву князь Иванову Ивановича

³³ Земля Владимирская: Географический словарь. Владимир, 1991. С. 198; см. также: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Юрьев>; дата обращения: 31.07.2023.

³⁴ *Бережков М. Н.* Еще несколько образцов народных исторических песен, записанных во Владимирской губернии. Нежин, 1895. С. 6–11. См. также: *Бережков М. Н.* Еще несколько образцов народных исторических песен, записанных во Владимирской губернии // Известия Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине. Нежин, 1895. Т. 15. С. 1–31. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: Бережков, с указанием номера страницы.

³⁵ Старица Александра — в миру Евдокия Борисовна Сабурова, первая жена царевича Иоанна Иоанновича (1571–1572), сосланная в Суздальский Покровский монастырь по приказу

царицу старицу Александру, в Суздальском уезде, своим дворцовым посопным селом Бережком того же села с деревнями <...> А ведать старице Александре то село со деревнями и с пустошми, по сей нашей жалованной грамоте; а волно ей та своя вотчина, как по ее душу Бог пошлет, отдать в монастырь, по своей душе, в которой она похочет».³⁶ Грамотой от 25 марта 1589 года царь Федор Иоаннович подтверждает неподсудность наместникам и волостетелям людей, живущих в сельце Бережок, и освобождает их от всех податей и повинностей.³⁷

На обороте жалованной грамоты № 218 указано, что вотчину Бережок старица Александра «дала в дом Пречистой Богородице в Покровской монастырь, что в Суздале».³⁸ Позднее 18 апреля 1615 года царь Михаил Федорович Романов подтверждает принадлежность Бережка Покровскому девичьему монастырю.³⁹ При Екатерине II в ходе секуляризационной реформы село было переведено в разряд экономических (государственных).

В 1859 году в Бережке, казенном селе, числилось 76 дворов (232 муж., 224 жен.), стояли две церкви, в селе находилось волостное правление, был базар.⁴⁰ В 1897 году здесь проживало 650 человек;⁴¹ в 1905 году — 709 человек в 114 дворах.⁴²

В Суздальском уезде, соседнем с Юрьев-Польским уездом, былины не фиксировались. Однако мы вполне можем рассматривать былинку из с. Бережок как осколок именно суздальской традиции: расстояние от села, стоящего недалеко от границы с Суздальским уездом, до Суздаля (через Гаврилов Посад) составляет всего 46 км, да и административно Бережок до приписки Юрьевскому уезду входил в Суздальский уезд.

Былина о Ставре Годиновиче — «Василиса Микулишна и Ставр Одинович» (Бережков, с. 6–11) была записана в 1883–1885 годах от Екатерины Алексеевны Бережковой, «пожилой девицы», просвирни местной церкви. Усвоила она старину от своей матери — диаконицы с. Бережок. Принадлежность сказительницы к духовному сословию существенно дополняет наше представление о сказителях, которые на Русском Севере исключительно принадлежат крестьянскому миру.

Текст о Ставре — неполный, отсутствуют некоторые эпизоды, обозначенные отточиями, нет конца. Тем не менее мы подчеркнем, что это самая аутентичная былина в Ростово-Суздальско-Владимирском регионе. Былина начинается с традиционного пира у князя Владимира, на котором Ставр играет в «звончатые гусельцы» и наигрывает наигрыши Иерусалимские и Цареградские. Затем разворачивается сцена хвастовства, причем Ставр хвастает не умом Василисы Микулишны, а молодцами, которые не старятся, добрыми конями, которые не изъезжаются, и золотой казной, которая не «истощится». Пирующие гости просят Ставра разъяснить его хвастовство, и он отвечает, что молодцы его носят «переменные платья», старящихся коней он продает и покупает новых, дает деньги в рост и тем живет. Образ ростово-суздальского Ставра явно смыкается с образом богача Дюка Степановича. Далее бояре, завидуя Ставру, наговаривают на него князю, якобы он «незван гость», и Ставра сажают в погреб. В былине отсутствует традиционная мотивировка — пусть героя выручит его жена, умом и мудростью которой он похвастался. Ставр шлет гонца в Чернигов — в свой родной город. Коллизия с Василисой Микулишной развивается традиционно. Героиня, узнав о случившемся, стрижет волосы, одевается послом Василием и едет в Киев. В пути она

Ивана Грозного якобы из-за бездетности. Умерла в начале царствования Михаила Романова (или в 1614, или в 1619, или в 1620 году).

³⁶ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 1. 1334–1598. С. 414 (грамота № 218).

³⁷ Там же. С. 428–429 (грамота № 226).

³⁸ Там же. С. 415 (грамота № 218).

³⁹ Там же. Т. 3. 1613–1645. С. 47–48 (грамота № 59).

⁴⁰ Списки населенных мест Российской империи. Т. 6. Владимирская губерния по сведениям 1859 года. СПб., 1863. № 6329.

⁴¹ Населенные места Российской империи в 500 и более жителей... С. 13.

⁴² Список населенных мест Владимирской губернии. Владимир, 1907. № 7166.

встречает гонца из Киева, который направляется, чтобы «Ставровы животы списывати», а жену его «во поруки взять». Любопытен ответ Василисы, которая говорит, что Ставрова жена уехала в «землю вятскую». Сцена встречи князя Владимира и посла Василия в тексте отсутствует (здесь в тексте пропуск); далее дается картина состязания в стрельбе и в борьбе, после чего посол Василий просит выпустить из погреба Ставра Одиновича (по-видимому, чтобы с ним в борьбе «потешиться»). Только после этого эпизода возникает образ жены князя Владимира Марьи Темрюковны (из исторической песни XVI века), которая в после распознала женщину. Былина, повторим, здесь обрывается.

Былина о Ставре в с. Березок во второй половине XIX века имела довольно весомый песенно-эпический контекст. М. Н. Березков от той же Е. А. Березковой записал историческую песню XVI века «Мастрюк Темрюкович» (Березков, с. 12–16); песни XVIII века «Сборы в поход» (Березков, с. 17–18; с именем Петра Первого), «Шведский король» (Березков, с. 18–19; король угрожает Москве, русская царица испугалась, генерал Румянцев ее утешает). От другой сказительницы, жены причетника Катерины Ивановны Альбицкой, были зафиксированы песни «Похороны царя» (Березков, с. 19–20; с непонятной приуроченностью, к какому государю она относится), «Прусский король» (Березков, с. 20–21; Семилетняя война), «Пленница Румянцева» (Березков, с. 21–22). Наконец, в своем доме у кого-то из родственников М. Н. Березков записал вариант «Горя» (Березков, с. 22–23).

Восточную часть Владимирской губернии составляют Вязниковский и Гороховецкий уезды. В *Вязниковском уезде в д. Петушки* краеведом Николаем Александровичем Добротворским (1860 — ок. 1900), жившим некоторое время во Владимирской губернии, был записан не ранее 15 ноября 1883 года фрагмент былины о Дюке Степановиче и Чуриле Пленковиче — «Как поехал Чурила чрез Пугай реку»⁴³ (в составе рукописи собирателя «Песни Вязниковского уезда Владимирской губернии»). Отголоском былины в Вязниковском уезде является историческая песня XVIII века о сборах солдатух в поход и о жалобах полковничка на свою молодую жену с началом «Как во городе, как во Муроме, / Во селе было Карачарове» (л. 1–1 об.).

Вязники находятся на правом берегу Клязьмы. Историю города принято вести от древней крепости Ярополч-Залесский, некогда стоявшей в 5 км ниже по течению Клязьмы. По-видимому, крепость была поставлена в 1135–1138 годах сыном Владимира Мономаха князем Ярополком Владимировичем (1082–1139; великий князь Киевский с 1132 года). Во времена Батыева нашествия она была разрушена, однако, возродившись, впоследствии играла роль сторожевого форпоста на северо-востоке Руси. В 1657 году город Ярополч был перенесен на территорию современных Вязников. В 1703 году стены крепости Ярополч при пожаре были утрачены, и центр поселения переместился в выросшую рядом торгово-промышленную слободу Вязники, известную по письменным источникам с 1585 года. В 1778 году Вязники стали уездным городом.⁴⁴

В 1859 году д. Петушки — владельческая деревня в 36 дворов (77 муж., 91 жен.), стоит на проселочной дороге между Балахнинским и Ярославским торговыми трактами.⁴⁵ В 1905 году в Петушках числилось 25 дворов (118 человек).⁴⁶

Добротворскому удалось записать фрагмент лишь в 6 стихов с описанием центрального эпизода в сюжете о Дюке Степановиче и Чуриле:

Как поехал Чурила через Пугай-реку:
У полуреки Чурила в воду вверзился.

⁴³ Архив Русского географического общества. Разр. 6. Владимирская губ. № 54. Л. 1. См. описание рукописи: *Зеленин Д. К.* Описание рукописей Ученого архива имп. Русского географического общества. Пг., 1914. Вып. 1.

⁴⁴ Земля Владимирская. С. 55; см. также: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Вязники>; дата обращения: 31.07.2023.

⁴⁵ Списки населенных мест Российской империи. Т. 6. № 1603.

⁴⁶ Список населенных мест Владимирской губернии. № 1455.

А этот молодой боярин Дюк Степанович
Скоро-наскоро соскочил чрез Пугай-реку,
Да у полуреки он припадал,
Чурилу он за желты кудри сухватывал.

Обращает внимание топоним Пугай-река — испорченное от Пучай. Очевидно, что при разрушении традиции у сказителей включаются механизмы народной этимологии, в результате которых непонятное имя реки этимологизируется через слово «пугать».

В связи с былинноведением следует назвать знаменитое село *Мстёру*, расположенное недалеко от Вязников на реке Мстёрка близ ее впадения в Клязьму. Мстёра (Богоявленская) находится на большом проселочном тракте из г. Вязники в г. Шую. Поселение впервые в письменных источниках называется в 1521 году. В конце XVII — начале XVIII века здесь зародился иконописный промысел, а позднее Мстёра прославилась и кружевоплетением.⁴⁷ В 1859 году здесь было 307 дворов (1205 муж., 1410 жен.), три церкви, сельское и рисовальное училище, литографическое предприятие, три фабрики, пристань, базар.⁴⁸ В 1897 году в Мстёре проживало 4147 человек;⁴⁹ в 1905 году — 600 дворов (3996 человек).⁵⁰

Следы былин в Мстёре в 1962 году были обнаружены экспедицией Московской государственной консерватории. Б. И. Рабинович писал: «...в пос. Мстёра Вязниковского района К. И. Абрамова вспомнила фрагмент текста об Илье Муромце, который она слышала от своей бабушки в начале века (мелодии, к сожалению, она не смогла восстановить).

...Подходили мы к городу Карачарову,
Выходил на нас Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович...
...Выпускал он стрелы меткие.

Нельзя определить, к какому сюжету из цикла былин об Илье относится данный отрывок, но, по-видимому, он ближе к сюжету о станичниках или татарском нашествии. По свидетельству мстёрских же информаторов, былина бытовала еще совсем недавно, буквально за несколько лет до нашей экспедиции».⁵¹

В связи с мстёрской былиной мы обратим внимание на то, что она отражает не крестьянскую традицию, а слободскую.

Гороховецкий уезд располагается южнее Вязниковского уезда. Гороховец стоит на правом берегу Клязьмы в ее нижнем течении. Название города, скорее всего, связано с древнерусским именем Горох. Финно-угорское поселение, датированное по археологическим раскопкам VI века, в X–XI столетиях превратилось в славянское. Во второй половине XII века во времена Андрея Боголюбского это была уже небольшая крепость — пограничный пункт на восточных рубежах Владимиро-Суздальского княжества. В 1239 году город был сожжен монголо-татарами. В 1539 году Гороховецкая волость пережила набег казанских татар. В 1563 году Иван Грозный передал Гороховец кабардинскому князю Михаилу Темрюковичу, своему шурина. В XVII веке в Смутное время город попал под власть поляков. В 1628–1687 годах он представлял небольшую деревянную крепость. В это время Гороховец переживал свой расцвет, обусловленный торговлей с городами Клязьмы, Оки и Волги. Здесь стояли винокуренные заводы и развивалось кожевенное производство. В 1778 году

⁴⁷ Земля Владимирская. С. 129; см. также: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Мстёра>; дата обращения: 31.07.2023.

⁴⁸ Списки населенных мест Российской империи. Т. 6. № 1301.

⁴⁹ Населенные места Российской империи в 500 и более жителей... С. 14.

⁵⁰ Список населенных мест Владимирской губернии. № 1539.

⁵¹ Рабинович Б. И. Музыкальные записи народных песен во Владимирской области // Традиционный фольклор Владимирской деревни (в записях 1963–1969 гг.). М., 1972. С. 92.

Гороховец был сделан уездным городом Владимирского наместничества, а с 1796 года — губернии.⁵²

В д. *Ольгино*, до революции административно относившейся к Гороховецкому уезду, а впоследствии входящей в Муромский район Владимирской области, в 1988 году был записан фрагмент былины «Илья Муромец на Соколе-корабле».⁵³

Ольгино — это бывшая владельческая деревня, расположенная в 40 км от Мурома. В конце XIX — начале XX века она входила в состав Святской волости Гороховецкого уезда Владимирской губернии. Деревня стоит при урочище Лемешки-Рамешки на проселочном тракте из г. Гороховца в Муром. В 1859 году в деревне числилось 25 дворов (110 муж., 115 жен.);⁵⁴ в 1905 году — 53 двора (399 чел.).⁵⁵

Запись фрагмента «Илья Муромец на Соколе-корабле» была сделана от Якова Федоровича Кувшинова (род. 1911), крестьянина-старообрядца, который указывал, что былину слышал от отца; тот же выучил ее где-то под Вязниковым или Шуйей, куда он ходил на отхожие работы. О. В. Гордиенко дает музыкальную характеристику данного текста: «не „напев-речитатив“ сказительского типа, а былинная песня». «В исполнении этого незаурядного певца, — подчеркивает исследователь, — былинный напев звучит темпераментно, живо, артистично. В мелодии его слышатся и маршеобразная напористость воинских песен, и размашистые отзвуки бурлацких напевов, и молодецкая удаль, и чуть заметная усмешка».⁵⁶

Зафиксированный фрагмент включает описание богатого кафтана Ильи Муромца с чудесными пуговками, на каждой из которых посажено «по льву, да по заморскому коту». Напомним, что Б. Н. Путилов выделил две основных версии былины «Илья Муромец на Соколе-корабле».⁵⁷ В первой версии на корабль нападает Салтан Салтанович; Илья Муромец пускает калену стрелу в грудь Салтану. Версия зарегистрирована в Вологодском, Вятском, Енисейском регионах.⁵⁸ Вторая версия, распространенная в Поволжье, сосредотачивается на описании чудесных пуговиц; рев львов на этих пуговицах пугает татар, бросающихся в море. Очевидно, что былина из д. Ольгино относится именно к этой версии сюжета.

В ряду уездов Владимирской губернии мы не касаемся Муромского уезда. Дело в том, что в Муроме, в противоречие ожиданий, не было записано ни одного песенно-эпического текста. Имеются только прозаические предания об Илье Муромце.⁵⁹ Однако исключение Мурома из состава Владимиро-Суздальско-Ростовских земель вызвано не только этим фактом, но и нашим взглядом на роль Мурома в сложении русского эпоса. Муромо-Рязанское княжество, отпочковавшееся от Черниговско-Северского левобережья Киевской Руси в 1097 году (после Любечского съезда князей) и разделившееся в 1140-е годы на Муромское и Рязанское княжества, было отдельным (самостоятельным) очагом формирования русского эпоса, являвшимся, как и Ростово-Суздальские земли, одной из составляющих частей киевской «материнской» метрополии. Муром, как известно, в былинах стал родиной Ильи Муромца, а Рязань — Добрыни Никитича.

⁵² Земля Владимирская. С. 63; см. также: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Гороховец>; дата обращения: 31.07.2023.

⁵³ Гордиенко О. В. Былинный напев, записанный на Владимирщине // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 2001. Т. 31. С. 230–237 (нот.).

⁵⁴ Списки населенных мест Российской империи. Т. 6. № 1729.

⁵⁵ Список населенных мест Владимирской губернии. С. 95. № 2658.

⁵⁶ Гордиенко О. В. Былинный напев, записанный на Владимирщине. С. 231.

⁵⁷ Путилов Б. Н. К вопросу о составе Разинского песенного цикла (былина о Соколе-корабле) // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1961. Т. 6. С. 305–328.

⁵⁸ См. также: Иванова Т. Г. Былины в Великоустюжском регионе // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции «Рябинские чтения — 2003»). Петрозаводск, 2003. С. 28–30.

⁵⁹ Русские былины старой и новой записи. С. 277–278; Колосов М. А. Заметки о языке и народной поэзии в области северно-русского наречия. СПб., 1877. С. 310 (Сб. Отделения русского языка и словесности АН; т. 17, № 3).

* * *

Обзор записей былин на бывшей территории Владимиро-Суздальского княжества с очевидностью свидетельствует о том, что песенный эпос в этом крае в XIX веке находился уже в последней стадии затухания. Раннее исчезновение былин в данном регионе вызвано, по-видимому, интенсивностью исторической жизни в Центральной России. Разрушение песенно-эпической традиции стало также следствием того, что на этой территории еще в Средневековье произошла полная ассимиляция автохтонного (финно-угорского) населения. Эпос, бравший на себя функцию отстаивания этнического «мы», благодаря чему он долгое время сохранялся на Русском Севере (соседство русских с карелами в Обонежье и с коми в Архангельском регионе), в Поволжье и Сибири,⁶⁰ на Владимирщине, при сохранении полнокровной фольклорной традиции других жанров, постепенно становился неактуальным.

Тем не менее роль Ростово-Суздальско-Владимирских земель в русской эпической традиции во многом является решающей. Помимо того, что именно здесь был один из очагов киевской «материнской» метрополии, северо-восточный регион средневековой Руси взял на себя еще одну функцию — функцию «колонизационной» метрополии. Именно отсюда эпос продвигался на Русский Север, а также на запад в Москву (еще одна территория племени меря) и на восток в Поволжье.

Москва, что важно подчеркнуть в связи с нашей темой, в Средневековье была тесно связана с Северо-Восточной Русью. Согласно Ипатьевской летописи, в городке Москов Ростово-Суздальский князь Юрий Долгорукий в 1147 году назначил встречу своему союзнику Новгород-Северскому князю Святославу Ольговичу: «приди ко мнѣ брате въ Московъ».⁶¹ Рядом с Московом (Москвой) находилось село Кучково, принадлежавшее суздальскому боярину Кучке, который был убит по приказу Юрия Долгорукого. После смерти великого князя Владимирского Всеволода Большое Гнездо Москва в составе Владимиро-Суздальского княжества досталась его второму сыну Юрию Всеволодовичу (ок. 1188–1238; великий князь Владимирский в 1212–1216 и 1218–1238). В январе 1238 года Москва была сожжена татаро-монголами. После кончины в 1263 году Александра Невского, сидевшего на Владимирском престоле, Москва стала уделом его младшего сына — Даниила Александровича (1261–1303; Московский князь ок. 1277–1303). Завещание Москвы младшему сыну свидетельствует о незначительности этого удела на ранних этапах существования города. Но именно с Даниила Александровича начинается медленное возвышение захудалого Московского княжества, куда из Владимиро-Суздальских земель в XIII веке были принесены былины.

Поволжье же былинным регионом становится гораздо позднее — во второй половине XVI века, когда в 1552 году Иван Грозный присоединил к Московскому царству Казань, в результате чего началось активное продвижение русских на земли реки, вскоре ставшей символом России. Поволжская былинная традиция (равно как и московская) требует специального и пристального рассмотрения. Предварительно можно сказать, что песенно-эпическое знание сюда заносилось служивыми людьми из Москвы, а также крестьянами-переселенцами из Владимирского края.

⁶⁰ См. подробнее о факторе отстаивания этнического «мы» в нашей статье: *Иванова Т. Г.* Заонежская былинная традиция и проблема географического распространения былин // Международная научная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения — 95»: Сб. докладов. Петрозаводск, 1997. С. 82–91.

⁶¹ Ипатьевская летопись. М., 1998. С. 339 (Полн. собр. русских летописей; т. 2).